18+

Светлана Леонтьева

ТЫ — СЛОВО МОЁ ИЗНАЧАЛЬНОЕ

Светлана Леонтьева

Ты — слово моё изначальное

«Издательские решения»

Леонтьева С.

Ты — слово моё изначальное / С. Леонтьева — «Издательские решения»,

Каждый, прикоснувшийся к этой книге по велению души, по этой раненой птице они узнают свою судьбу и своё предназначение. Книга понравится всем поколениям — от мала до велика.

© Леонтьева С.
© Издательские решения

Содержание

В СНАХ УЧАСТИЕ ЗЕМНОЕ 6
ПЫШКА 9
МОНОЛОГ для Микеланджело 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Ты — слово моё изначальное

Светлана Леонтьева

© Светлана Леонтьева, 2026

ISBN 978-5-0071-6755-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В СНАХ УЧАСТИЕ ЗЕМНОЕ

***

Живи — навсегда. Мой всевечный, незыблемый город!
Живи детский сад, куда деток водила я, школа!
Живите кривые-косые из досок заборы,
живите сараи, дорожки, скамейки билдборды.
Проспекты, базары, вокзалы, живи площадь Ленина!
И вечный огонь будет вечным, как свет и свечение!
Коробки, пакеты, где пункт полученья товаров,
подсобка, курилка, дорожка, корт крытый, Ошара!
Белинка, Покровка, Ильинка и церковь Предтечи.
Живи, город, вечно!
Забудем плохое, забудем ненужные даты,
Мы — люди, народ, твои жители, Бога солдаты.
Проспекты твои именами сияют героев,
как памятник Горькому, крылья его выше втрое.
Почайная крепкого чая, река, крики чаек,
похожие на журавлей, что потомки синицы,
живи, коль разносчики гамбургеров, колы, пиццы
на великах, на мотоциклах, мопедиках мчатся.
Коль сквер — так Звездинский.
Коль кладбище — Марьина роща.
Живите подкасты, витрины о разном, хорошем.
Дворцы, развлекательные центры и панорамы,
смешные, дотошные, дерзкие наши рекламы.
Столица закатов, столица рассветов и смесь горизонтов.
Лишь главное помни, историю нашу ты помни!
Здесь жил разночинец, святой жил, конечно, жил грешник,
купец и делец, рассекает ширь тракт колокольный,
здесь был несравненный Аввакум писатель-раскольник
сердешный!
Давай перечислим, кто здесь проживал, кто родился,
поэты-писатели: список настолько огромный,
мои фотографии постит журнал, словно письма,
на них молодая, красивая я возле дома.
Пока в нас твоё
там под рёбрами гордое сердце,
пока в нас твоя течёт кровь городская, мы вместе,
ты слышишь призывные звуки над Волгой набата?
Идём на сраженье твои мы и Божьи солдаты!

***

В мире далёком, как стих наизусть, без запинки,
в мире, где плеск транспарантов, знамён неустанных,
в том, где «Заводы — рабочим», «Власть — людям»,
а «Землю — крестьянам!»
Я — на плечах у отца в шапочке в «паутинке».

Как я размахиваю красным шаром красивым,
веточкой тополя в белых цветочках на клее.
Ради чего мы свергали всё это, скажи мне?
Ради чего мы себя — дурачьё — не жалели?
Ради того, чтоб пришли толстосумы, купили
наш комбинат, рассовав по карманам купюры,
чтоб в девяностые на Ленинградке стояли, а Вилли
Токарев пел про Америку нам без цензуры?
И чтоб в малиновых куртках, с цепями на шее
были братки на погостах, бабьё в кулуарах.
Ради чего мы страну свою не пожалели,
чтобы, разграбив её, а затем разбазарив?
Пусть он лежит себе — Ленин, в кишочках с червями,
пусть захороненный царь там останется в прошлом!
…А я у папы сижу на плечах и горжусь Первомаем,
а мне 6 лет,
я такая, такая хорошая.
Сердце моё замирает в щекочущем рвенье,
стройно колонны рабочих идут — речкой льются!
Песни струят под гармошку, душевное пенье
про революцию!
Радость большая — одна на всех радость! Осколки
я до сих пор ощущаю её в Первомае!
Нет ни богатых. Ни бедных. Равны все. И старость
вечно в почёте. А пенсия вам не подачка тупая.
132 рубля. Можно прожить. Кушать вдоволь.
Да, соглашусь, что наивность и аляповатость!
Но я хочу этот вкус! Умываться водою
и умывать свои щёки хочу, не печалясь!
Пусть в пиджаках от «Москвички», не в «Дольче Габбана»,
не в «Мерседесах», на «Волгах» пусть ездили люди!
Пусть же «Да здравствует мир, труд, май наш долгожданный!
Пусть наша родина будет!

БАБУШКИНЫ ПОЛОВИЧКИ

Ничего не осталось. Совсем ничего.
Ни тарелки, ни фартука, ложки, платочка.
Лишь цветастый застиранный половичок,
крепко сцепленный ниткою — белая строчка.
Домотканые тёплые половики,
каждый коврик, что праздник, что Пасха, что эрос.
А мы с бабушкой Нюрой в четыре руки
выплетали клубки, как эпоху, как эру.
Из старья, из тряпья. Из рубашек и брюк.
О, какие мы делали ленты цветные,
как стрекозы, как бабочки. И возле рук
они плавно взлетали, порхали вокруг;
открывался старинный пахучий сундук,

наполняли его. Были раньше такие.
Накорми наше море большим кораблём!
Накорми нашу сушу двором, сквером, пеньем.
Знаю: смертные все… Но не бабушка! Льном,
пряжей, шерстью и шёлком клубок за клубком
мы с ней делали то, что умеем.
…Ткётся ниточка к нитке, что лента в косе,
ткётся жгут со жгутом на другой полосе,
на бобине, на прясле да на колесе.
А как время настанет твоё помирать:
ничего-то не нажили, только тряпьё
и, ненужных другим, колобочков гора,
но они мне дороже всего, коль — моё!
И страна, что моя, мне, поверьте, нужна.
И сереющий холмик, поросший травой.
И мой ветер неистовый, что не унять.
И мой дом потому, что он кровный.
Он мой!

ПЫШКА

Ты не спрячешь таких под листочком, сестричка,
ты не спрячешь таких в своей норке, лисичка!
И Ги де Мопассан про таких сказал «Пышка»,
я читала новеллу лично!
Так бывает: сегодня худышка, а завтра,
то ли предали люди, то ль не прав Еврипид был,
заедаем измены, заедаем обиды,
заедаем и ладно!
Может, завтра тебя разнесёт, и — в путь долгий.
Вот сегодня ты чёрная, а после рыжая.
А мы выжили, пили да ели под Кижами,
и ни сердце сейчас —
решето да осколки!
Никогда мы не будем ни с краю, ни лишними.
Ты не спрашивай, как в 90-е выжили,
как скребли по сусекам, кормить чтоб младенцев
да картоху сажали упрямо на дачах,
например, на горбу я таскала поленца
и сама стены ладила, так как — не кляча!
А у вас ни тела — просто тонкие линии,
а у вас ни ручонки, а вербные веточки,
«Лебединое озеро», сны балеринные,
мясо есть вам нельзя, деточки!
А у нас накормить, воспитать, поднять на ноги,
если б рядом была, были б живы в Елабуге!
Если б рядом была, не страшны вам мошенники,
МММ, пирамиды, Чумак, Кашпировские,
на груди у меня рвутся крепкие тельники,
и боятся таких ростовские!
Да, я — пышка, я — пышка, но я не предатель,
не овца, не штрафбат, не отрёкшийся трижды.
Мы вывозим такое, иной бы не вывез,
и мы по соцсетям не кричим: «Дайте, дайте!»
Да, я — пышка, я — пышка. Захочу, похудею.
Как сказала Плисецкая Майя: «Не ешьте!»
Говорят, что худющей была Медея
и такая же злая, не меньше.
Но горжусь тем, что в нашем безумнейшем мире,
я вложилась на все, сколько есть килограммы,
и пусть булка хрустит на зубах моих в сыре
за моими щеками!

***

Город, милый, откуда слёзы?
Это осень. И нет предела,
если рвётся, душа из тела

и закат здесь до боли розов,
и слова твои, как оковы,
город, мальчик мой,
вам не страшно
если пьют здесь и кушают брашно,
эти улицы, словно вдовы
гордо трижды клянут, ревнуя
всех бомжей, заползающих в норы.
Если спросишь ты, час который.
Пропоют тебе Аллилуйя!
Было восемь и были похожи
друг на друга утро и вечер.
Мы ловили время за плечи.
…Ободрали с ладоней кожу.

***

Вот сейчас не могу слушать и говорить,
мой хороший,
мой добрый
и мой прилежный.
Мироздания нить. Вот она мироздания нить
именно осенью тянется между
жёлтых,
сермяжных,
российских листов.
синих, бэушных в лесу сыроежек.
Дай мне попить, просто дай же попить
мне из ладоней твоих, как и прежде.
Осень, что шапка горит. А кто вор?
Я бы украла. Да нечего. Пусто.
Только берёза да косогор,
словом, не густо.
Не слушать, не слушать, не слушать, не слушать!
Меня научили идти там, где колко
и жить, даже если погибла чуток я,
и сплёвывать в душу, хоть вырвали душу.
Меня научила теплу наша осень,
меня научила удар сносить щедро,
меня научила красивой быть просто
в туфлях, юбке, куртке и шляпке из фетра.
Не бедно, не бледно, паранойидально
цветы собираю, сушу их на полке.
А осень учила светло и прощально
все беды сносить про себя, втихомолку.
Расти, вдохновляться, наполниться смыслом
вот в этом таинственном, синем и рыжем
среди паутинок, дождинок и листьев,
в Москве, стольном Питере и даже в Нижнем!

***

Под небом, под Кочинским зреет восход,
трубой заводской в облака прорастая.
Не смей забывать меня, Автозавод!
Я — кровная.
Я — заводская.
Детали стальные шесть месяцев я
в станках твоих вдоль шлифовала.
В конструкторском после бюро для тебя
чертила я фары, что справа.
Не верь им, кричащим — люблю я тебя,
не верь им, кричащим — земной ты.
Так вижу, что отсветы зренье слепят,
так слышу, что не оглянуться мне вспять.
Ты — вечно в груди!
И со мной ты!
Какой ты?
Какой ты?
Иерусалим,
ты — град на холме. Ты — Соцгород!
Каким позвоночником сход мы мостим
к тебе, не пробрался чтоб ворог?
Полуторка — ангел, не автомобиль!
Полуторка зрит на своём постаменте.
Дорогою жизни из Питера в тыл,
точней в Ленинград шла из центра.
Победу везла, слаще что кулича,
мне Автозавод мой стальней кумача:
я помню разверстые бездны вселенной!
От тоже разверст! И он также нетленный.
Скорей бы Европа закрыла свой чат,
тогда бы и «Волга» вернулась к нам первой!
И нас бы вернула: детей, мам, внучат!
А дедовский ватник не жмёт мне в плечах,
мне Автозавод также впору!
Ты просто не верь, кто кричит «я люблю!»
Здесь жить надо долго и не на краю,
открыто жить, не за забором!
Упрямо. И честно. Детишек рожать.
И в школу водить. В школу ту, что сто пять,
куда я дочурку водила.
И это — победа моя! Тлен и ржа
её не изъест. Это — сила.

ТВОЕЙ ЖЕНЩИНЕ

Расходятся тучи в небе стремительно,
слетаются ангелы с криками чаек.
Да, я любила его так погибельно,

страшно любила, глупо, отчаянно.
О, как кричала я, если кричала,
о, как стонала, если стонала.
Но мы расстались ещё до начала.
Я написала: «Не надо. Не будем
мне не нужны крылья, что за плечами…»
Крылья мне в чреве нужны тогда были,
бабочкины да стрекозии крылья.
Словом, проста — я, не генеральша.
Словом, трудна в отношеньях с мужчинами.
Он меня мерял своими аршинами,
он даже взрослый, как будто бы мальчик.
Та, кто принявшая, та, кто грядущая
всё вобрала моё:
мать сумасшедшую,
я её тоже любила. Всё — к лучшему!
Та, кто с тобой сейчас спит — пахнет ёлочкой,
та, кто с тобой сейчас ест, пахнет супчиком,
пахнет бульоном, картошкой, укропчиком,
Сербией, Сирией, Польшей и Вучичем.
Тот, кто единожды прЕдал, сдаст дважды,
тот, кто однажды соврал, наврёт снова.
Но он — ласкавший меня, переспавший
помнит повенно, подкожно, покровно!
(Будет букетик для Соколовой!)
Песня наивна, глупа, кривовата.
Ты так состарилась, Ира, что страшно!
Раньше красивой была вероятно,
нынче — слоновьи коленки и ляжки,
богово Богу, а братово брату.
Где косметолог?
Где бег? Физкультура?
Впрочем, не слушай меня. Я же дура.
Хочешь, куплю тебе торт с шоколадом.
Ладно. Не слушай. Не надо.
Но нынче, право, с тобой поделюсь я:
после того, когда бросила мужа,
да, твоего, когда бросила мужа,
да своего, когда бросила мужа,
руки, объятья, ключицы и пузо,
эти родные-родные морщины…
Ужас!
Словом, он так развратил мою душу,
разные, разные были свиданья,
было в машине, на кухне и в ванной.
Так что, милаха, когда с ним ложишься
розовой мякотью, нежным бесстыдством!
Спишь ты с Москвой моей, Питером, Нижним!
С чревом, рожавшим девчонок, парнишек!

Спи, моё дитятко,
спи, моё ясное,
с девственницами, блудницами разными.
Что же ты стала такой толстой, старой?
Где же твой виноградное тело?
Длятся и длятся безумные чары.
Длятся и длятся, и нету предела!
После меня, хоть Потоп, право слово.
Но где же букетик для Соколовой?

***

Не поняла, что тебя так задело?
С чего ты вдруг на меня раскричался?
Мне, вообще, до тебя нет дела,
не я виновна, что ты — несчастлив!
А был бы счастлив — так не орал бы!
Ты вспомни: как я тяжело болела,
к тебе обратилась… (Да, дуры-бабы,
конечно, дура!) Болело тело,
ты что ответил в той смс-ке?
(Читаю: ком в горле и пульс за двести,
конечно, лучше меня повесить!)
А как ты ездил ко мне на дачу:
— Тепло ли, девица, тепло ли, красная?
За электричество кто платил, мачо?
Платила я, чтоб оно не погасло.
Я вновь повторяю: да будь ты счастлив,
будь счастлив,
счастлив,
хоть нет. Не получится!
Счастливые люди — желают счастья,
счастливые люди — делятся счастьем,
счастливые люди — целуют ручки!
Не пишут: «Ослица, звезда, помои!»
Ну, да — звезда.
А чего такого?
Ага, звезда! А звёзды лучатся!
Как первый лучик — самый добрейший,
как лучик второй — забирай, что хочешь!
Не знаю я, чем тебя утешить,
я — не жена, не сестра, не дочка
и — не любовница, и не гейша,
и ей не стану.
О чём ты?
Зачем же?
Все остальные — наши родные,
наши любимые, тёплые, лучшие.
Не беспокойся, ты мне не нужен,

не был мне нужен, не станешь мне нужен.
Зеркальце? Где его взять в эту пору,
чтобы туда свою сунуть морду?
Чтобы услышать ухом Ван Гога,
чем мне помочь, коль тебе так плохо?
Да, вижу — плохо, как будто не сдюжишь!
…Слушай,
прости, мою грешную душу!

МОНОЛОГ для Микеланджело

1.
Ну, ангел мой, зачем тебе это всё нужно?
Зачем эти детские рисунки, сумасшедшие басни?
Неужели ты веришь в капли из лужи?
Ты, мне подаривший страданья и счастье?
2.
Ну, ангел мой, зачем ты мне подарил такое?
Я же тогда была просто живою,
а теперь я стала травой под твоею пятою,
твоею соломинкою под ногою
зачем ты рисуешь эти осколки,
они так цеплять меня больно горазды!
Никто.
Никому.
Ничего
не обязан!

***
Богатый, красивый такой, из варяг,
как раз по пути ко арабам и грекам.
Хочу это помнить всем сердцем, взатяг,
хочу это чувствовать! Именно это.
Лежат на земле шкуры лис да волков,
кувшины наполнены брагой веков,
доспехи: секира, ножи, булава
да острые копья — лети голова!
Всё, как на картине В. М. Васнецова:
скирда, сноп и колос, солома, полова,
а далее — Ладога, Новгород. Пеший
маршрут был проложен сквозь дым и пожары.
Мы все — мироздания чада, все — дети!
А после Владимир-град встал в лихолетье
столицей всея! В стольный день, мясопустный,
не ешь нынче курицу в мятном рассоле,
не ешь нынче зайца в свекольном растворе,
не ешь ты баранину вкупе с капустой.
Рожай, Русь, князь Игоря — Рюрика сына,
на Ольге жени его! Как же красивы
князья на Руси! Боже, как все красивы:
усы, борода, в небе острые шпили.
Но Игоря зверски древляне убили…
А в Искоростень голубь, сойка вернулись,
на лапках огни, как берёзовый улей,
пылали! И всем мщеньям — мщенье сверкало:
сожжён город был не людьми, не волками,
а птицами. Вот уж любовь, вот уж страсти!

На мщения Ольга-княжна была мастер.
А после Владимира тоже столица,
куда же князьям во престолы садиться?
Семьсот пятьдесят вёрст супротив Батыя:
а вот и Москва, бережища крутые,
столица Руси,
а теперь всей России.
Такая любовь. И дороги такие.
К холму припадаю, высокий он, в глине.
Кто там, под землёй? По чьему иду телу?
На чьих я крестцах, позвоночниках, спинах,
на чьих животах, на груди исполинной?
Ветра отпоют и постели постелют,
неся впереди свой живот, весь в прожилках
из трав, из суглинка да из иван-чая.
Такая любовь. И бескрайность такая!
Что хочется крикнуть им: вот вечно жить бы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.